

≡ КНИГА ОДИНОЧЕСТВ ≡

М

ЛИНОТ
ГОРАШК

ФРАИ

18+

Между нами пропасть бесконечной, ни к чему не обязывающей любви

Линор Горалик
Макс Фрай
Книга Одиночеств

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181959

Книга одиночеств / Макс Фрай, Линор Горалик: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-271-48160-4

Аннотация

Эта книга была написана много лет назад под влиянием короткого текста Линор Горалик про Ахиллеса и Черепаху. Без текста Линор этой книги не было бы, поэтому у нее два автора, достаточно одиноких, чтобы не услышать друг друга, чтобы не быть услышанными никогда.

Содержание

Предисловие	5
Эта книга посвящается Л.	8
Эта книга посвящается Ларочке,	9
Эта книга посвящается моему другу-amigo,	11
Эта книга посвящается Бине,	12
Эта книга посвящается Оксане,	13
Эта книга посвящается соседу Сереже,	14
Эта книга посвящается семье Савчуков,	15
Эта книга посвящается Доротее,	20
Эта книга посвящается Бориске,	22
Эта книга посвящается Игорю Викторовичу,	24
Эта книга посвящается О. О. и другим несознательным гражданам,	25
Эта книга посвящается Е.,	27
Эта книга посвящается Н.,	28
Эта книга посвящается Ане,	29
Эта книга посвящается И. С.,	31
Эта книга посвящается Нине.	34
Эта книга посвящается тете Жанне,	36
Эта книга посвящается А. В.,	38
Эта книга посвящается Егору,	41
Эта книга посвящается моему любимому коммунальному соседу Лене Королю	42

Эта книга посвящается Г.,	48
Эта книга посвящается А.,	49
Эта книга посвящается старику Прибыткову,	52
Эта книга посвящается Шуре,	54
Эта книга посвящается Валерке, моему соседу по парте,	59
Эта книга посвящается С. И.,	61
Эта книга посвящается Марьяне,	62
Эта книга посвящается Яше,	63
Эта книга посвящается Инне,	64
Эта книга посвящается Диме,	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Книга Одиночеств

Макс Фрай, Линор Горалик

Предисловие

Книгу об одиночестве невозможно написать вдвоем.

Понятно почему: какое уж тут одиночество, если вдруг встретились два пешехода (один, как известно, шел из пункта А в пункт Бэ со скоростью 4 километра в час, а второй из пункта Цэ в пункт Дэ добирался вприпрыжку, со скоростью, стало быть, семь километров в час, никак не меньше). Местом их встречи может стать всякая точка, хоть двусмысленная Е, хоть обитающий в самом конце иноземного алфавита загадочный Икс. Как бы ни именовалась она, всякому юному математику ясно: в этой точке одиночество пешеходов заканчивается, и начинается их *сосуществование*, со всеми вытекающими последствиями.

Но книга об одиночестве может быть написана только вдвоем. Иначе – не получается.

Не игры в парадоксы ради делаю я такое признание; просто это – правда. Только рядом с другим человеческим существом и можно нашарить впотымах вертлявую границу собственного существа, сказать себе: вот, здесь заканчиваюсь я, и начинается кто-то другой. Приподняться на цыпочки, за-

глядеть в чужие глаза и тут же отпрянуть, отвернуться, потому что там, дальше, – заповедная территория. Нас туда и рады бы пустить, да невозможно воспользоваться таким гостеприимством. Хаживали, знаем.

Что именно писать об одиночестве – тоже неясно.

Теоретически, я понимаю, что одиночество – ужас и му́ка, без наркоза вынести его невыносимо, да и под наркозом – едва-едва выжить получится.

А на деле вечно выходит, что если и мучаюсь я, то от нехватки одиночества, от его, скажем так, технического несовершенства: даже в разлуке мы всегда недостаточно далеки друг от друга. Дыхание любимых существ опалает мне затылок: все слишком близко, сколько бы километров, лет, стекол и стен ни разделяло нас.

Что мне действительно по плечу, так это рекламную брошюру о преимуществах одиночества создать. Но сие, мягко говоря, противоречит замыслу.

Проще, казалось бы, махнуть рукой на книги, одиночество и тем более книги об одиночестве. Зачем мне такие сложности? В мире полно других интересных вещей – взять хотя бы покой и волю. В сочетании с хорошим чаем, удобным креслом и, скажем, карманными нардами поразительный дают эффект, говорят.

Но так уж все устроено, что молчать об одиночестве нельзя. О чем еще и говорить, о чем писать и читать человеческому существу, обретающемуся в центре циклона между рож-

дением и смертью? События эти почти тождественны: два шага в сторону абсолютного одиночества. Или даже один семимильный шаг, который нам, созданиям от природы неуклюжим и медлительным, приходится совершать в два этапа.

И вот выходит, как ни крути, а все невозможно: молчать нельзя и писать нельзя, а если и можно, то лишь в полном одиночестве, но при этом непременно вдвоем. Сказочный герой, которому велели отправиться *не знаю куда и принести неведомо что*, – и тот находился в лучшем положении.

Но: *я был хитер, я придумал хитрость*, – как сказал бы на моем месте Паучок Ананси.

Хитрость была вот такая: попросить написать книгу об одиночестве Линор Горалик. Она, в отличие от меня, умеет складывать слова таким образом, что хоть волком вой, хоть ложись и умирай, потому что – немыслимо ведь жить, когда такая сладкая му́ка. Мы договорились: Линор напишет об одиночестве, а я посвящу эту книгу людям, без которых мое одиночество было бы немыслимо.

И вот вам результат: у этой книги не два автора. А один и еще один. Каждый – сам по себе. Между нами пропасть бесконечной, ни к чему не обязывающей любви – то ли друг к другу, то ли к иным существам, то ли к собственному одиночеству.

Макс Фрай

Эта книга посвящается Л.

После встречи с нею мне стало окончательно ясно, что я знаю всего два способа любить человека.

Первый способ – безмерно радоваться всякий раз, когда я вижу человека. И почти совсем не вспоминать о нем, когда его не вижу.

Второй способ – вообще не видеть почти никогда (или вообще без «почти» обойдемся), но помнить, что есть, теоретически говоря, такой человек. И землю целовать за то, что такое существо по этой земле где-то ходит.

В обоих случаях мне, понятно, ничего от объекта любви не нужно. В том числе взаимности (когда она есть – это просто дополнительное удовольствие).

Нечего и говорить, что иные способы любления ближних представляются мне почти дикостью.

Ну, мы, извращенные натуры, вообще редко бываем толерантны к большинствам.

Эта книга посвящается Ларочке,

которая позвонила мне в четыре часа утра, в самую долгую из декабрьских ночей, пьяная в жопису, нежная.

– Где же ты, – говорит, – шляешься?

А я что, я так, по мелочам, мы за хлебом в «Седьмой континент», в Строгино катались, милое дело...

– Мы, – говорит, – когда в последний раз виделись?

– Ну, – говорю, – неделю назад... А что?

– Ы-ы-ы-ы-ы! Бу-у-у-у-у! – смеется и как бы всхлипывает. – В августе мы виделись! В августе. Я вот думала, почему ты не звонишь? Вот, напилась для храбрости, сама звоню...

И я холодею.

Потому что – да, действительно в августе. А по внутренним моим ощущениям – неделю назад. Тоже мне, разлука. Можно еще несколько таких же «недель» не видеться. И – ничего. Потому что люди, которых я люблю, – они каким-то образом живут во мне, и мне хорошо с ними. И мне по душе представляется, что и я в них тоже как-то живу, ползаю нежной чужеродной штуковинкой по артериям, отравляю кровь, скапливаюсь на стенках сосудов. Всем, как мне кажется, от таких простых и понятных процессов хорошо.

Но.

В море есть остров, на острове – гора, на горе – дуб, на

дубу сидит свинья, в свинячьих потрохах – утка, в утке – яйцо, в яйце – микроб, у микроба под язычком – шкатулка, а в шкатулке – САМОЕ ДЕЛО.

Так вот, на САМОМ ДЕЛЕ все не так, конечно.

На самом деле я тварь негодная (такими словами ругал свои видения на закате всякого запоя Витька Сальников, бывший таможенник и коллекционер антиквариата, старинный мой дружок – жив ли сейчас? – неведомо, и пес с ним).

На самом деле у меня короткая память и каменное сердце, тяжелый взгляд и легкие ноги кошки-хромоножки, которая гуляла сама по себе, а в героини сказки Киплинга записала дуру кузину, когда пришло время – выкрутилась как-то, словом.

Меня, в общем, не надо бы любить. Дурное это дело. В качестве объекта любви я существо сомнительное, ненадежное и малопривлекательное. Было бы из-за чего рвать сердце в клочья, а жопу на фашистский крест. «Ы-ы-ы-ы, бу-у-у-у-у-у!»

Но вот, любят меня зачем-то чужие, в сущности, но прекрасные люди. Сижу, штопаю теперь свое сердце (не перепутать бы с чужой жопой).

И горло перехватывает от нежности, как в детстве от говяжьей печенки, которую я ненавижу. Потому что кровь – она не для того, чтобы ее в жареном виде жрать. Ее пить надо. Свежую. И только из любимых.

Эта книга посвящается моему другу-amigo,

который однажды вынудил меня признаться, что я – из тех распятых, чьи призраки селятся под потолком в помещении судмедэкспертизы, суют дохтуру свои вериги: «Дохтур, это ж не кровь, да? Это ж кетчуп».

– Да какой кетчуп? – бурчит похмельный дохтур. – Самая что ни на есть кровь.

– Не кетчуп? – не унимается призрак. – Ну, значит, клюквенный сок...

А сам мертвый-мертвый, и завтра рано вставать, потому что воскресать позовут.

Эта книга посвящается Бине,

с которой мы сокрушались о нелегкой доле и тщетном труде пророков.

Вообще пророки кажутся мне совсем удивительными людьми. Не понимаю, как у них в голове все устроено. Ну вот, положим, я знаю, что на небе есть Аллах. А народ мой не знает про Аллаха. Я искренне полагаю, что это проблемы народа и (возможно) Аллаха.

Ну, если народ вдруг придет ко мне домой и станет про Аллаха спрашивать, я тогда, конечно, чаю налью и все скажу как есть. Зачем врать?

Но он, понятно, не придет. И не спросит. Чтобы сформулировать вопрос, нужно хотя бы умозрительно представлять себе варианты ответов. Поэтому никто ни о чем таком не спросит. И я ничего никому не скажу. Не потому что тайна, просто – зачем зря языком молоть?

Пророком мне точно не бывать.

И это хорошая новость.

Эта книга посвящается Оксане,

большой души, широких плеч и пестрой биографии даме. В частности, ей даже довелось побывать замужем в деревне. И поработать в свинарнике.

Оксана рассказывала, как выгоняла поутру свиней на плановую оправку и громко, внятно говорила им: «Срать, срать, срать, срать, срать...»

И так полчаса примерно.

В исполнении Оксаны слово это звучало не хуже мантры какой: монотонно, раскатисто. До костей пробирало. И на свиней действовало должным образом, если верить ее рассказам.

Иногда мне кажется, что некий ангел небесный, которого ангельская судьба забросила в глухую заоблачную деревню и определила приглядывать за нами, говорит нам нечто в таком же роде. А мы-то, глупые, визионерствуем. Голоса, блин, улавливаем. Тайные знаки видим везде, даже смысл их вроде бы прозреваем. В то время как лишь одна полезная для здоровья команда достигает наших ушей: «Срать, срать, срать!»

Кто не спрятался, я не виноват.

Эта книга посвящается соседу Сереже,

который первым рассказал мне о воспитании спартанских мальчиков, даже знаменитую историю с лисом пересказать не поленился.

С тех пор мне всегда казалось, что нужно держать себя в руках. Как бы ни обстояли дела, клеить на морду умопомрачительный смайл: дескать, все путем. Потому что – кому какое дело? Ну и вообще, некошерно это – распускаться.

Теперь вот думаю: может, это неправильно? Если уж злобный зверь грызет твои внутренности, нужно орать, реветь, визжать, звать на подмогу, а не зубами скрежетать.

Спартанские мальчишки, как известно, добром не кончают. Скверный пример для подражания.

Другое дело, что этих злобных, невидимых, прожорливых тварей ни на шаг к себе подпускать не следует. Но этому высокому искусству я пока только учусь. Вот выучусь ли – бог весть.

Эта книга посвящается семье Савчуков,

с которыми мне пришлось делить коммунальную плиту в середине восьмидесятых годов минувшего столетия.

В нашей коммунальной квартире семейство Савчуков занимало две большие смежные комнаты. Муж Витя, жена Люда и две дочки, погодки. Все невысокие, плотные (не толстые, а коренастые), круглолицые и симпатичные. Эдакие хоббиты. Техническая интеллигенция, советский средний класс.

Мне они казались аналогом семейства Стоговых из школьного учебника английского языка. Май фазер из инженер, май мазер из тича, ви хэв э кэт. Примерно так все и было, только у Савчуков фазер был тичером (преподавал в каком-то институте), а мазер, напротив, инженер. «Э кэт» тоже имелся. Рыжий, кастрированный. В коммунальный коридор его не выпускали, и правильно делали. Дочки учились в престижной английской школе (попали туда не по благу, а по месту жительства, так уж повезло) и были там отличницами на зависть «блатным» одноклассникам.

Все у них было как у людей. Почти идеально. В кухне готовилась вкусная еда (холодильник закрывался на специальный навесной замочек), в уборной от них оставались газеты с

программой телевидения, где галочками помечались фильмы, выбранные для семейного просмотра.

Витя не курил, выпивал только по праздникам. По праздникам же неистово пах одеколоном, словно бы выливал на себя полфлакона зараз.

У Люды была шуба, которую та надевала несколько раз в сезон, по торжественным, как я понимаю, случаям. Еще у нее была губная помада сдержанного розового цвета. Иного макияжа Люда себе не позволяла.

Дочек Савчуки держали в строгости. Никакого тебе гламура, хоть и восьмидесятые на дворе. Все серенькое, коричневое, бурое, длиной до колена, туфельки из «Детского мира». С другой стороны, на какие шиши, интересно, гламур разводить? Советскому среднему классу уже в ту пору не до жиру было.

На фоне нашей коммуналки, это сверхобычное семейство приобретало, надо сказать, монструозные черты и людоедские повадки. Без них мы были бы вполне безобидным сообществом законченных психов и мирно варились бы в собственном соку. Но несчастные Савчуки ощущали себя (вполне справедливо, думается мне) безвинными жертвами коммунального ада. Они не могли примириться с действительностью. Они с нею боролись.

Поскольку действительностью были в первую очередь мы, соседи, то и боролись Савчуки, понятно, именно с нами. Они заваливали жалобным спамом карательные органы, требова-

ли убрать нас, уродов, из их нормальной, интеллигентной вполне, жизни.

Большинство писем было посвящено соседям, обитавшим за стенами квартиры Савчуков: алкоголику Диме и наркоману Лене Королю. Савчуки требовали отправить их в ЛТП и там излечить: Диму – от алкоголизма, а Леню, соответственно, от наркомании.

Хитрость состояла в том, что в те времена человека, отсутствующего по месту жительства более полугода, можно было лишиться прописки. Савчуки рассчитывали, что смогут подсуетиться и занять соседскую жилплощадь. Из этих же, как я понимаю, соображений из города Челябинска была выписана мама Люды. С ее появлением приготовление пищи на коммунальной кухне стало непрерывным процессом: бабушка появлялась там в семь утра и сваливала только после семи вечера.

С чужой жилплощадью ничего у Савчуков, понятно, не вышло, но нервы они своей писаниной всем изрядно попортили. Особенно, конечно, наркоману Лене. Алкоголика Диму почти не трогали: кто ж одинокого советского мужчину пенсионного возраста на полном серьезе от пьянства лечить стал бы?! То-то же.

Поскольку у нас с Савчуками была общая кухонная плита, мне тоже пару раз довелось выступить в роли мирового зла. Участковый милиционер даже любезно показал мне соседское письмо. Там говорилось, что я нигде не работаю и

содержу притон.

От расправы меня спасла перестройка. Тунеядством советских граждан тогда уже никто всерьез не интересовался, а притон у меня был, ясное дело, курам на смех: ну сидели постоянно в гостях какие-то невнятные личности богемного вида – а толку-то? Все больше разговоры разговаривали. Разврату предавались редко и без особо тяжких девиаций, а пьянствовали вполне интеллигентно – если, конечно, смотреть на это дело с точки зрения притоносодержателя.

Из всего вышесказанного ясно, что наша с Савчуками обоюдная ненависть в те годы не поддавалась описанию.

Мне довелось попасть в эту квартиру в самом начале девяностых.

На кухне курил мой бывший сосед Витя. Он осунулся, постарел; от него не пахло одеколоном, зато ощутимо пахло вином, хотя день был совсем не праздничный.

Увидев меня, Витя совсем не удивился. Даже не поздоровавшись, спросил: «Вы Оленьку мою помните?»

Оленька – старшая дочка, миниатюрная копия мамы. Конечно, помню, что ж не помнить-то?

Оказалось, Оленька в прошлом году закончила школу с медалью, сдала экзамены в какой-то институт и тем же летом погибла в автомобильной аварии. Водитель и остальные пассажиры отделались царапинами и синяками – вроде бы так.

Что тут скажешь?

У меня, во всяком случае, слов не нашлось. Нашлось толь-

ко молчание, да и того хватило ненадолго. Но, по крайней мере, мы с Витей молча покурили на кухне, минут пять. У меня глаза были на мокром месте – и не потому, что смерть (я не знаю, что бывает после смерти, и не могу считать ее безусловным злом), а просто потому, что мой бывший сосед Витя больше не круглый, не важный, не румяный, а такой растерянный, тихий, бледный, сдувшийся шарик. Потому что грязная, сочащаяся остатками фарша мясорубка на их кухонном столе не просто полезный бытовой прибор, а символ, да. Хотя, конечно, излишне прямолинейный – так мне тогда думалось.

Витя еще что-то рассказывал про работу, про то, что денег не хватает, про школьные успехи второй дочки, у которой, наверное, тоже будет медаль, и такая выросла красавица, ну и Люда «потихонечку», и бабушка еще держится, и вот котенка взяли, серенького, полосатого...

Мне хотелось закричать, но так, понятно, было бы слишком просто.

Потом мне нужно было уходить. Мы стали прощаться.

«Вы извините, – сказал вдруг Витя, – если раньше что-то не так... Мы же не понимали, как художники живут...»

Мне пришлось спасаться из этой кухни бегством. Потому что у меня принцип такой: при посторонних мокрую дрянь по морде не мазать.

Эта книга посвящается Доротее,

которой уже, страшно сказать, за шестьдесят, а загляни ей в глаза – совсем девчонка. Впрочем, нет, не «девчонка». Девочка. Очень, очень хорошая девочка.

Девочки, впрочем, все хорошие – в отличие от теток.

Тетка, ясное дело, не возрастная категория. Тетки бывают и в двенадцать лет.

В двенадцать может быть даже чаще, чем, скажем, в семнадцать, потому что к семнадцати многие влюбляются и снова впадают в младенческое состояние. Но это отдельно как-то нужно исследовать.

В четвертом классе меня посадили за одну парту с девочкой Олей. Худшей тетки не было, наверное, в моей жизни. В то же время, классная руководительница Сабина Алексеевна, несмотря на свои пятьдесят с лишним, была вполне себе девочка. Вредная такая, сплетница и тиранка, зато совершенно не тетка. За то и была любима всеми поголовно. Ей почти все прощали, даже мы, дети. Потому что учительницу Не-Тетку еще поискать.

Тетки они ведь чем от прочих девочек отличаются?... Ну да, самое трудное – это объяснять словами очевидные вещи. Которые нутром чувются, с первого взгляда. Как, скажем, запах. Ну, можно сказать, что тетки твердо знают что такое *хорошо*, и что такое *плохо*. Они знают, как надо. И как не на-

до, они тоже *знают*. Сомнение тетке неведомо.

Причем для того, чтобы предугадать теткину систему ценностей, нужно учить не психологию, а биологию. Или зоологию даже. Тетка – она ведь всегда на страже интересов биологического вида.

И да, тетка несет жемчужину своего знания миру. Обычно очень активно несет. Так что уши закладывает. И, конечно, тошнит. По крайней мере, выродков вроде меня.

Но все это, кажется, не самое главное про тетку.

Самое главное, наверное, вот в чем: пока я вижу перед собой тетку, я не могу верить в бессмертие души. Какое уж тут бессмертие.

Я, собственно, почему все это пишу. Я очень люблю девочек (и, в частности, шестидесятилетнюю девочку Доротею). Лучше их нет на земле существ. И мне почти всегда за них страшно. Есть какая-то таинственная лужа, попив из которой девочка становится теткой. Процесс не то чтобы необратимый, но шансов не очень много.

Будьте бдительны, да.

Эта книга посвящается Бориске,

чье имя все время напоминает мне, что в годы дошкольного детства был у нас во дворе такой стишок:

Прямо, прямо, прямо,
там большая яма.
В яме той сидит Борис,
повелитель дохлых крыс.

А вслед за стишком я вспоминаю, что однажды мы пошли этого Бориса искать.

Нас было человек пять отважных. Как и положено в детстве, мы много чего боялись, но ежедневно ходили навстречу своим страхам, как будто ничего особенного в этом нет. Нормальный детский способ существования.

И вот мы вдруг решили, что, если идти все время прямо, мы эту яму с Борисом обязательно найдем.

Решили и пошли сразу же. Прямо.

Шли довольно долго, поскольку двор наш плавно переходил в пустырь, вполне, по нашим тогдашним масштабам, бесконечный.

И вдруг откуда ни возьмись нам навстречу выворачивает **ВЗРОСЛЫЙ МУЖИК!**

Мы, не стовариваясь, развернулись и с визгом убежали.

Особо этот случай мы, кажется, не обсуждали, но всем участникам экспедиции был понятен масштаб катастрофы: Борис выбрался из ямы!

И по сей день, между прочим, бродит среди нас.

Эта книга посвящается Игорю Викторовичу,

который не далее как вчера утром пожарил мне утку с яблоками и ушел, оставив меня наедине с аппетитным предметом.

Я, надо сказать, не умею не только жарить утку, но и разделять ее. Поэтому подалась утка методом ощипывания и обкусывания.

Процесс был приятный, но финал ужасен.

Сегодня в полночь из холодильника на меня укоризненно глядел жуткий остов. Такое впечатление, что несчастную птицу загрызло и обглодало мышинное войско. Я – трехглавый мышиный король. Утка имела вид мученицы за веру и грозила отмщением.

Мне понадобилось все мужество, чтобы взять чудовищные останки рукою и выбросить в пакет. Пакет – в мусоропровод.

Надеюсь, ОНО не вернется ко мне за час до рассвета.

Эта книга посвящается О. О. и другим несознательным гражданам,

которые время от времени упрекают меня в высокомерии.

Ну что тут скажешь, они по-своему правы.

У меня есть мерка. Она от рождения высокая, так получилось. У некоторых вот, например, длинный нос или *массивный пенис* – и что ж с того?

Каждый день я прикладываюсь к этой своей мерке. Мерка, ясно, выше, чем я. Прыгаю, стараясь достать глупой нежной макушкой до заветной черточки. Иногда допрыгиваю, чаще – нет. Всяко бывает. Зато мускулы на ногах накачались знатные. Железные, практически как Феликс.

И когда кто-нибудь приближается к заповедной моей территории, я, конечно, выскакиваю из укрытия, размахивая этой своей высокой меркой. И предлагаю прохожему допрыгнуть куда следует. Приучаю странников к физкультуре и спорту.

Поскольку мерка высокая, до нее, конечно, мало кто допрыгивает, оно так. И я, конечно, вытворяюсь порой на недопрыгнувших, бывает. Требую от них всем рекордам свои звонкие дать имена. Кулаками машу, ногами накачанными топочу. Граждане обычно обижаются и кидают в меня кало-

выми камнями. Я не сержусь. Понимаю: это они не со зла, это они от неизбывного горя.

Зато никто не может упрекнуть меня в том, что я отрубаю гражданам ноги. Или, скажем, головы. Мы вам тут не Прокрусты какие.

Ну вот просто у меня мерка такая высокая выросла. С кем не бывает?

Эта книга посвящается Е.,

который заметил, что подушечки моих пальцев расчерчены словно бы для игры в крестики-нолики.

Игра, надо думать, еще и не начиналась толком, самих крестиков и ноликов почти нет пока, только пустые крестообразные поля.

Мне не очень интересно, кто будет играть; исход игры, тем более, до фени. Единственное, что немного тревожит – расцарапают ли они мои пальцы до крови или обойдутся со мною бережно, вспомнив, что я, при всех своих странностях, вполне обычный ошметочек органической материи, хрупкое, уязвимое человеческое существо. Истекать кровью мне совсем не с руки. Не с обеих рук, ни с левой, ни с правой.

Хватит уж.

Эта книга посвящается Н.,

которая отлично знает, что висеть на Древе Познания – милое дело, наилучший способ скоротать вечность-другую. Даже если сдуру, от излишнего усердия пригвоздить себя к многострадальному растению мечом, оно ничего, быстро перестает досаждать. В общем, виси не хочу, лучшей доли себе не пожелаешь.

Проблемы начинаются, когда выясняется, что надо слезать.

Почему-то всегда выясняется, что слезать надо. То ли очередь на повис на полсна Брахмы вперед расписана, то ли просто «не положено», но слезать приходится в какой-то момент.

И вот стоишь как поц в чистом поле, под Мировым Древом, крынку с Медом Поэзии к впалому пузу прижимаешь, и вспоминаешь, что тебя, вообще-то за сметаной послали. И за спичками. А вовсе не...

В таких случаях лучше махнуть на все крылом и сразу залезать обратно – если получится. Но мало у кого получается, это правда.

Эта книга посвящается Ане,

которая рассказала мне про «мармеладный тест».

Проводился, оказывается, в свое время такой эксперимент.

Группе детей выдали по мармеладке и сказали, что взрослые сейчас ненадолго выйдут из комнаты. А когда вернутся, будет вот что. Кто съел свои мармеладки, может идти гулять. А кто не съел, дождался возвращения взрослых, получит суперприз: еще по одной мармеладке.

Зашибись.

Очень мало детей, если верить Аниному рассказу, стали ждать взрослых и суперприз. Стрескали свои мармеладки и занялись другими делами. Нормальный детский подход.

При этом ученые, придумавшие тест, утверждают, что именно те дети, которые мармелад жрать не стали, имеют офигительные перспективы в жизни. Дескать, они способны отказаться от текущего удовольствия ради высокой цели.

Бивис, он сказал: «Высокой цели»! Круто, Бивис!

Меня поначалу взяла досада: какие же, черт побери, противные дети – которые стали ждать награду. А потом стало ясно, что я-то как раз из таких детей. Мне бы наверняка удалось пройти «мармеладный тест». Причем не из жадности, а просто – не слабо ведь.

Из одних «мармеладных стойков», наверное, действи-

тельно выходит так называемый толк.

Феномен социального успеха мне не очень интересен (процесс понятный и вполне противный). Зато точно знаю: некоторые из нас вырастают такими придурками, которые ни за что не станут жрать сиюминутный свой мармелад – просто так, не суперприза ради, а потому что какой-никакой, а все-таки подвиг.

Ну, микроподвиг, да. Но все-таки.

По-моему, мы психи.

Эта книга посвящается И. С.,

который смотрел по телевизору кино про машину времени и меня усадил на подушки перед экраном. Смотри, дескать, какое кино! Правда здорово?

Но кино мне смотреть совсем не хотелось, а хотелось настоящую машину времени получить в свое распоряжение.

Хотелось на машине времени прокатиться назад, в семидесятые. Ненадолго, на пару часов. Разыскать там себя, печального лупоглазого детеныша в фирменных джинсах, купленных невменяемыми родственниками на вырост, на два размера больше. В дорогущих модных штанах, которые сидят мешком, уродуют и без того несовершенное подростковое тельце.

Обнять это чучело, растормошить, сказать: все будет хорошо. Вырастешь, никуда не денешься, джинсовых шмоток будет у тебя – жопой жри, даже шарфик джинсовый смастерит тебе однажды красивая девушка Танечка из тертых широких штанин, а в заокеанском городе Нью-Йорке купишь ты на последние десять баксов джинсовый рюкзак, а уж штанов, курток, жилетов будет у тебя и вовсе немерено.

Сказать: все будет хорошо. С этим вот носом, с этим бодучим лбом, с этим подбородком, с лохмами проволочными, а ведь будет у тебя пара-тройка таких неземных любовей, что зашибись, никто не уйдет живым. Ну и еще кое-что, по

мелочам, отдохновения для – будет, все будет, не бзди.

Сказать: все будет хорошо. Скоро, через пару лет буквально, даже через год ты научишься казенить школу и убедишься, что нет ничего слаще, чем топтать сентябрьским утром не в постылое серое здание, а в ином каком-нибудь направлении. А потом увидишь, что за такую радость даже платить не надо: все будет хорошо, и пятерочный аттестат будет, и университет, который ты, правда, похеришь, но все равно, и без него проживешь отлично, потому что узнаешь один важный секрет: нужно идти туда, куда хочется, а не туда, куда якобы «надо». Идти себе, идти и ничего не бояться. У тебя получится, правда.

Сказать: все будет хорошо. Скоро, совсем чуть-чуть подождать осталось, тебе исполнится восемнадцать лет, и в этот день ты уйдешь из дома, и больше ни одно человеческое существо никогда в жизни не станет тебе указывать, что «можно», а чего «нельзя», потому что ты этого не позволишь – никому, никогда. Сами разберемся: нам жить, нам умирать. Никто за нас с тобой этого не сделает, а потому пусть сидят и молчат в тряпочку.

Сказать: все будет хорошо. Ты, уебище асоциальное, выкрутишься как-то, будет у тебя дом, чтобы спать, много хороших ботинок, чтобы ходить, и даже машина, чтобы кататься. Поганенькая, конечно, но для того детеныша из семидесятых раздолбанная «девятка» – запредельная, космическая роскошь, техника на грани фантастики. Пусть радуется.

Сказать: все будет хорошо. А про то, что тебе к этому моменту все будет до фени, кроме зыбкости мира, мы тому детенышу говорить не станем. Зачем зря пугать? Все равно ведь вырастет, превратится из прекрасного принца – в чудовище, из прекрасной принцессы – в мудрую жабу, никуда не денется. И не надо ему никуда деваться, потому что все ведь будет хорошо. Зашибись как хорошо все будет.

Эта книга посвящается Нине.

Каждый день она слушает рассказы о чужих проблемах, за деньги. Такая у нее работа.

Некоторые истории Нина пересказывает мне, бесплатно. Такой у меня досуг.

Проблемы у людей вполне понятные. Любовь там всякая, работа, депрессия, суки-сволочи вокруг, семья или ее отсутствие – обычный набор.

Поэтому о своих проблемах я Нине не рассказываю: хватит с нее.

Проблема у меня, строго говоря, одна: очень уж достали причинно-следственные связи. Надоело, что одни события вполне закономерно проистекают из других. А другие – из третьих. Даже если не очень явно, докопаться все равно можно.

От этого все кажется противным, даже прекрасное.

Я искренне не понимаю, какого черта мне нужно просыпаться, скажем, в Москве, скажем, 26 мая – лишь потому, что я ложусь спать 25 мая в этой самой Москве? Проснуться 8 августа 1978 года на Аляске или, предположим, 14 апреля в Белграде было бы – не скажу что приятно, но, по крайней мере, не столь безнадежно.

Почему, отрезав себе кусок хлеба, я стану есть этот самый хлеб? А не, скажем, рисовую кашу, сваренную за 657 кило-

метров от моей кухни? (Хлеб, собственно, вкусный. А рисовую кашу я вряд ли стану жрать. Но сам принцип меня решительно не устраивает.)

С какой стати я обнаруживаю в своем шкафу только те вещи, которые были куплены мною? Для чего узнаю улицы, по которым езжу – якобы «каждый день»? (Я не верю в «каждый день», но память давно предала меня и дружит с этой бесперспективной концепцией.) Или вот зачем узнаю лица соседей? У меня, представьте себе, каждый день одни и те же соседи.

Это почти невыносимо.

Вся эта наивная, но в высшей степени достоверная имитация линейного течения времени утомила каузальное мое тело и прочие кишки.

Долой.

Даешь.

Да здра...

Эта книга посвящается тетя Жанне,

в гости к которой меня часто водили в детстве.

Тетя Жанна славилась умением варить борщ и рассольник, фаршировать перцы, вертеть голубцы, тушить баклажаны – словом, она мастерски готовила все те блюда, которые кажутся детям настоящей отравой.

Благодаря регулярному общению с тетей Жанной мне удалось получить чрезвычайно полезное практическое руководство по обращению с реальностью. Выяснилось, что, когда посторонний взрослый человек тычет тебе в харю очередную порцию полусъедобной мерзостной дряни, следует не визжать, не закрывать рот руками, не убегать в другую комнату, а просто вежливо сказать: «Большое спасибо, это, наверное, очень вкусно, но мне пока не хочется. Может быть, позже...»

Тетя Жанна в таких случаях отъебывалась как миленькая. И другие гостеприимные взрослые люди тоже утихомиривались, удалялись на безопасное расстояние, говорили: «Погуляй, деточка».

С родителями, понятно, такой номер не проходил. На них, по правде говоря, можно было воздействовать только одним способом: бурно блевать, пока не спрячут свою гадость подальше, к чертям собачьим.

После такой суровой жизненной школы мне вполне просто живется. Когда жизнь делает мне очередное *завидное предложение*, важно лишь понять, как следует вести себя на сей раз: вежливо отбрехиваться или сразу бежать блевать? А если и то, и другое, то в какой последовательности?

Но поскольку вариантов не очень много, ошибаюсь я не так уж часто. Почти никогда.

Эта книга посвящается А. В.,

ради которого мне пришлось вспомнить и пересказать своими словами старую-старую притчу.

В каких-то дальневосточных, как водится, горах стоял какой-то даосский, как водится, монастырь, куда, как водится, приходили всяческие достойные и недостойные молодые люди, жаждущие, как водится, великих и не очень мистических тайн и прочих озарений.

Их там, как водится, подвергали всяческим невероятным испытаниям, заставляли *медитация* с утра до ночи, морили аскезой, искушали искушениями, а после снова гнали *медитация* и снова всячески испытывали.

Вся эта катавасия продолжалась довольно долго. Некоторые удивительные граждане все же как-то умудрялись выжить и даже не сбежать к едрене фене от этого эзотерического счастья.

Они становились такие высокодуховные и просветленные, что стоять рядом с ними было почти невозможно: очи сияли благостью невыносимой.

И в жизни всякого просветленного гражданина наступал такой момент, когда его вызывали к Самому Главному Даосскому Начальнику.

Начальник грозно потрясал аурой, благодатно сиял чакрами и проделывал кучу других невероятных вещей, полез-

ных для просветления окружающих. Он говорил ученику: «Пришло время подвергнуть тебя самому страшному испытанию».

С учеником от такого заявления, невзирая на все его эзотерические достижения, кирдык случался. Он думал, что сейчас с ним сделают что-то такое невыносимое, хоть ложись да умирай добровольно.

Приведя ученика в чувство с помощью целительных мантр и нюхательной соли, Самый Главный Даосский Начальник продолжал выступление:

«Теперь ты вернешься домой, – говорил он, – и проживешь годика два нормальной человеческой жизнью. Потом вернешься, я на тебя погляжу. Если останется в тебе хоть что-то от нынешней веселой силы – что ж, тогда я стану тебя учить. Нет – на хуй».

(Ну, то есть Самый Главный Даосский Начальник вряд ли знал простое русское слово «на хуй», но он, безусловно, умел подыскать приличествующий случаю синоним. В отличие от меня.)

Следует заметить, что это испытание мало кто проходил. Чай не с демонами иллюзорными бороться и не в пропасти, кишасшие злыми духами, сигать. Сами понимаете.

Все это я к тому, что среди читающих эти строки есть немало человеческих существ, по сравнению с которыми все эти полумонахи – тьфу что такое. Срам один, скорбь небесная.

А мы с вами, напротив, зайчики золотые – во как.

Эта книга посвящается Егору,

который подарил мне игрушку под названием «живой пейзаж».

Простенькая, красивая штуковинка: плоский прозрачный прямоугольник во вращающейся раме; внутри, между двумя стеклами – прозрачный глицерин, черный и белый кварцевый песок и пузырьки воздуха.

Принцип действия как у песочных часов, только в результате получаешь не кучку, а небесной красоты пейзаж, готовую иллюстрацию к «Каталогу гор и морей».

Очень полезная вещь.

Напоминает о фундаментальном принципе: если текущий пейзаж бытия невыносим, надо немедленно перевернуть все с ног на голову, обрушить небо на землю и посмотреть, что будет.

Я так, конечно, и без того всю жизнь поступаю, но иногда вдруг забываю в самый ответственный момент. А потом вдруг вспоминаю – в безответственный.

А это, понятно, не то.

Эта книга посвящается моему любимому коммунальному соседу Лене Королю

Человек с бабелевским именем был невелик ростом, сушоцав и по-своему красив. Такие лица были очень популярны в тридцатые годы. Тот же тип, что артист Алейников, та же (редкая, как мне кажется) разновидность обаяния: помесь пролетария и декадента. Для полного счастья – седая прядь в волнистых русых волосах. Она, как утверждал Леня, была у него с детства.

Леня Король занимал две огромные комнаты с двумя балконами и башенкой потрясающей красоты между ними. Кроме комнат у него была своя, отдельная, кухня. Это в его деле было чрезвычайно важно.

А дело было такое: Леня варил ширку и слыл одним из лучших варщиков в городе.

Жизнь рядом с ним, как жизнь рядом со всякой знаменитостью, доставляла нам, соседям, немало проблем. Хлипкую общую дверь, ведущую в коридор нашей коммунальной квартиры, ломали как минимум раз в неделю. Потом принимались крушить Ленины приватные, куда более мощные запоры. Но на этом этапе осады кто-нибудь из соседей начинал грозить ментовскими карами, и злодеи удалялись, посулив

вернуться. Обещания эти в большинстве случаев выполнялись.

Весь этот ужас творился потому, что Леня был в своем роде снобом и эстетом. Он не желал варить ширку кому попало. Он всерьез полагал эту дрянь чем-то вроде священной сомы, мог часами рассуждать о ее полезных для души и тела свойствах, а потому соглашался варить волшебное зелье только для приятных ему людей. Приятные же люди пользовались его милостями, а потом воспевали талант Лени Короля по всем городским притонам. Адресок тоже сообщали всем желающим. Желающие пробовали добиться Лениного расположения всеми доступными способами, а не добившись, открывали военные действия.

Несколько раз Леню все же как-то отлавливали и били смертным боем; один раз скинули в лестничный пролет, с третьего этажа на первый. Но дом был старый, потолки пятиметровые, поэтому в сумме вышло страшное вполне расстояние. По счастью, внизу лежали пустые картонные коробки и тряпки, так что Леня отделался сравнительно ерундовыми травмами.

Были у него и другие неприятности: с ментами. Те очень любили вламываться по ночам в нашу коммунальную квартиру и, не обнаружив Леню дома, устраивать шмон у всех соседей. Искали его по нашим шкафам. То еще удовольствие...

Иногда Леню находили и отправляли в ЛТП. Через пару месяцев он возвращался. Было бы еще хуже, могли бы и по-

садить, но у Лени имелся какой-то высокопоставленный обкомовский брат. Жирная лоснящаяся скотина в ондатровой шапке – такое впечатление у меня осталось от первой и единственной встречи. Может быть, впечатление было ошибочное: у меня в те годы от одного вида ондатровых шапок приступы неконтролируемой ярости случались.

Так или иначе, но брат в большинстве случаев отмазывал Леню от соседских кляуз и прочих ментовских наездов. Правда, Леня говорил, что однажды брат сам его на ЛТП засадил, но родственные отношения – дело темное. Не знаю, словом.

Мы с Леней, можно сказать, дружили. Притом совершенно бескорыстно.

Мое знакомство с ширкой состоялось несколько раньше, и мы с нею пришли к обоюдному выводу, что не подходим друг другу. На том, как говорится, и порешили.

Лене лишь однажды удалось навязать мне сей бесценный дар. Нехороший полутрип продолжался двое суток, после чего Лене было интеллигентно, но твердо сказано: «На хуй твою хуйню».

Добрососедским отношениям это, однако, не помешало. Мы подкармливали друг друга в трудные дни, благо таковые случались у нас в разное время. У меня выработалась привычка покупать домой два хлеба: себе и Лене. Родственники мои с восторгом выяснили, что я, оказывается, обожаю прошлогоднее засахаренное варенье: Леня жить не мог без сла-

денького. Он же, разжившись деньгами, непременно просовывал мне под дверь треху, а то и пятерку. Не давал в руки, а именно так – тайком совал. Это, надо сказать, не раз спасало мою органическую жизнь.

По ночам мы нередко пили чай с вареньем у него на кухне. Ради такого дела Леня любезно убирал с плиты свой аптекарский хлам. В наших комнатах в это время трахались бездомные приятели: Ленины – под ширкой, мои – просто так. Моя жилплощадь по этой причине освобождалась много быстрее, зато у Лени было что послушать.

Что до моих приятелей, они постепенно перезнакомились с Леней и стали понемногу перебираться на его территорию. Понятно, не для того, чтобы попить чаю, посидеть на балконах или забраться в башенку. У моих приятелей к Лене был практический интерес.

Со временем это приобрело комические формы. Мои знакомые старались прошмыгнуть к Королю тайком: стеснялись меня. Столкнувшись со мною в коридоре, краснели и безбожно врали, что зашли к Лене на минутку, отдать старый долг. Мне, понятно, было по фигу, но поди объясни это людям, всерьез подсевшим на измену.

Зато Леня был счастлив: он-то, бедняга, всю жизнь хотел вырваться из своей среды. Внимание богемных мальчигов-девочек ему чрезвычайно льстило. Особенно, конечно, девочек.

Девочки, надо сказать, тоже были весьма довольны. У сво-

его тетки, художника Лени, Король даже отбил жену Светку – не на какую-нибудь там неделю, а всерьез и надолго. Попробовав ширку, эта удивительная женщина заявила, что была полной дурой, пробухав первые тридцать пять лет своей жизни, зато теперь, дескать, непременно исправит эту оплошность. И исправила, надо сказать. Четыре года, верой и правдой. Больше не успела по причине высокой смертности среди провинциальных наркоманов.

Нетрудно догадаться, что самого Лени Короля тоже давным-давно нет в живых.

Леня умирал долго и мучительно, в течение полутора лет, с переменным, так сказать, успехом. Иногда казалось, что он выздоравливает, но потом все становилось еще хуже. Это, как мне рассказывали, началось с очередной драки с «клиентами». Лене сломали челюсть, которая со временем все больше опухала и причиняла ему неопишуемые страдания. Когда какое-то время спустя брат стал таскать Леню по врачам, они ничего не смогли сделать.

Последние несколько недель были ужасны. Мне, к счастью, практически не довелось при этом присутствовать: место жительства к тому времени почти окончательно сменилось.

Но несколько раз мне приходилось зайти в коммуналку за какими-то вещами. В коридоре пахло разлагающимся Лениным телом. Не очень сильно: у него была хорошая, крепкая дверь, но мне хватило.

Говорят, он почти все время кричал. Еще говорят, что брат успел его перед смертью зачем-то окрестить и женить. То есть женить как раз понятно зачем: таким образом продавались квартиры до наступления эпохи приватизации.

Поэтому после Лениной смерти его комнаты заняла бойкая женщина Надя, но с нею мы уже не соседствовали. Знаю только, что у нее была огромная белая собака неведомой породы. Собаку звали Микки.

Эта книга посвящается Г.,

который однажды рассказал мне, что тибетские ламы называют ученых Запада «специалисты по утонченным заблуждениям».

Логика понятно какая, совсем не оскорбительная для ученых: все люди по определению дураки и в заблуждениях увязли. А было бы не так – зачем людьми рождаться? Можно ведь и божествами какими, никто не запрещает. С другой стороны, нужно как-то отличать людей, довольствующихся врожденными заблуждениями, от людей, которые заради своих прекрасных и сложных заблуждений по аспирантурам пупки рвут.

Ну и вот.

При этом, по словам Г., тибетские ламы рекомендуют не испытывать неприязни к заблуждениям. И от приязни к истине рекомендуют они воздерживаться. По их раскладам, пара приязнь-неприязнь – это уже вообще ни в какие ворота. Мартышкин труд – такие пары составлять.

Эта книга посвящается А.,

с которым мы вспоминали детские страхи. Те, что появлялись в самом начале жизни, сами по себе, без явного влияния культурной среды. Не навязанные взрослыми, которым, понятно, удобнее иметь дело с покорными трусишками; не внушенные дворовыми друзьями, которые всегда рады поделиться ужасающей информацией, а те страхи, что приходили изнутри откуда-то непонятно почему и зачем.

Для меня (как, думаю, для многих) в детстве темнота, высота, замкнутое и открытое пространства, огонь, вода, звери, незнакомцы на улице, привидения, кладбища и прочие традиционные буки-бьяки были делом обычным, житейским, часто – хорошим и интересным. Страшило меня совсем другое. Совсем маленький список, кстати. Дети вообще храбрее взрослых, как правило.

– Мойдодыр.

Стоило мне однажды увидеть это мультяшное чудище по телевизору, и все, кранты светлому разуму. Никто мне, конечно, не говорил, будто Мойдодыр страшный. Напротив, взрослые убеждали наперебой, что он безобидный и даже хороший, всех умывать учит. Но веры им не было.

– Слив в ванне.

Ну, то есть не сам по себе слив был страшен. Было страшно, что я утеку туда вместе с водой. Твердость собственно-

го тела не была мне очевидна. И позитивный опыт прежних купаний не спасал. Мало ли что в прошлые десять раз тело мое не утекло – где гарантия, что сегодня будет так же?

Дети не такие дураки, чтобы верить, будто все всегда повторяется. Это как раз типично взрослая дурость.

– Испачкаться при падении.

Всякие там царапины и ссадины были для меня делом обычным. А вот грязь на теле лет до четырех вызывала дикий, утробный ужас. Казалось, что можно, что ли, заразиться нехорошей, трудной человеческой жизнью. Будто придется очень быстро повзрослеть, состариться и умереть, если грязь в кровь попадет – как-то так примерно, дети ведь не слишком сильны в формулировках.

Я, кстати, до сих пор думаю, что это была интересная, совсем не лишенная смысла теория.

– Большой нежилой дом.

Это хронологически самый последний детский страх, мне уже лет шесть было, когда он пришел. На пустыре возле нашего дома стали строить огромное, как мне казалось тогда, панельное здание. Пока строили, было нормально. А как достроили, стало страшно.

Дом был шестиэтажный, расчерченный на серые и оранжевые прямоугольники, и много-много черных слепых оконных провалов. Все мое существо знало, что смотреть на ЭТО не нужно. Почему – поди объясни теперь себе...

– Некоторые (многие, но не все) больные люди. В основ-

ном старенькие. Но и некоторые ровесники тоже.

Было очень страшно, что они – нет, не то чтобы заразят (нельзя ведь заразить хромой ногой), а именно что *научат* меня болеть.

Так тоже, кстати, бывает на самом-то деле.

Других страхов в ту пору, кажется, не было.

Пчел, докторов и больших собак не называю вполне сознательно. Все они меня в свое время кусали разными способами, поэтому активное нежелание иметь с ними дело страхом называть неправильно. Обычная, почти «взрослая», расчетливая осторожность.

Скучно об этом.

Эта книга посвящается старика Прибыткову,

моему поставщику сосновых благовоний.

Зная о моей нежности к лисицам (и не одобряя такую жизненную позицию), он рассказал мне следующую поучительную историю.

– Лиса, – говорит старик Прибытков, – зверь ленивый и вонючий. Зато хитрый. И при этом, – рассказчик щурится со значением, – о-о-о-очень ленивый. И о-о-о-о-очень вонючий.

Нору рыть лисе лень. Не любит она лапами работать. Поэтому лиса, которая хочет жить в хорошей, большой норе, идет к барсуку.

Барсук, по версии старика Прибыткова, зверь серьезный. Драться с ним – это совсем уж ума надо лишиться. А лиса умная и хитрая. К тому же вонючая. Поэтому она с барсуком не дерется, а тихонько пробирается в дальнюю часть его норы.

Тут следует сказать, что нора у барсука многокомнатная. Из множества помещений, лазов и прочих тайников состоит. И вот в дальнем тайнике появляется лиса. Тихонько там срет и тихонько уходит бомжевать в лес. Благо недолго уж терпеть.

Барсук жить в обстановке лисячьей засратости совершенно не приучен. Будучи зверем умным и хозяйственным, он идет и замуровывает помещение, оскверненное лисьим говнищем. Становится полегче.

Но назавтра снова приходит хитрая и вонючая лиса, гадит в следующем помещении и тихонько, как ни в чем не бывало, удаляется в лес. Барсук духовно страдает и снова замуровывает оскверненный участок.

Некоторое время жизнь животных идет размеренно и монотонно. Лиса каждый день проникает в нору и гадит. Барсук плачет и заделывает входы.

Наконец несчастный зверь барсук понимает, что вся его нора воняет лисьим говном и нет спасения. Тогда он обижается на судьбу и уходит прочь, рыть новую нору на новом месте. А вонючая и хитроумная лиса справляет новоселье, благо, по мнению старика Прибыткова, разрывать заделанные лазы много проще, чем рыть целую нору.

Ну, ему, наверное, виднее. Он человек пожилой и опытный.

Эта книга посвящается Шуре,

который недавно позвонил и спросил, помню ли я про «истинное маслаждение».

Еще бы. Такое разве забудешь?

Венгерский апельсиновый ликер алого цвета появился в нашем городе О. во второй половине восьмидесятых и стал, как мне кажется, идеальным вещественным символом рубежа эпох.

На смену советским пельменным в ту пору как раз приходили пластиковые джунгли кооперативных кафе-ресторанов, а «Вебер» (на бутылке было написано латиницей: «Veber»), соответственно, занял экологическую нишу «Розового», «Мятного», «Кофейного» и прочих ликеров, разноцветных детенышей социалистического Зеленого Змия.

Импортных напитков в ту пору появилось, хоть жопой жри (что, собственно, и происходило), но «Вебер» имел два неоспоримых достоинства: во-первых, был более-менее дешев, а во-вторых, на этикетке было написано по-русски: «Подарит вам истинное маслаждение».

Это была чистая правда.

«Наслаждением» тогдашнее наше состояние при всем желании не назовешь. Разве только «маслаждением»: новые ощущения пропитывали нас легко и стремительно; на поверку же оказывались тяжелыми, неудобоваримыми, избыточ-

ными – порой до тошноты. И – о, да, – несмываемыми, как и положено масляным пятнам.

Некоторые пятна мы, пробежавшие ту марафонскую дистанцию из восьмидесятых в девяностые, выводим до сих пор; выведем ли? – неведомо.

Теперь смешно вспомнить, но жизнь и правда казалась в ту пору затянувшимся визитом в страну чудес.

Если кто не помнит, напоминаю: мы, те, кто учились в школе в семидесятые и закончили ее в начале восьмидесятых, аккурат к отмене поблажек для студентов-призывников, похоронам дорогого Леонида Ильича и андроповским дружинам, отлавливавшим тунеядцев по кинотеатрам, знали, что всегда будем жить в СССР. Никакой надежды на перемену участи у нас не было. Знали, что прожить более-менее симпатичную, комфортную и приятную жизнь в таких условиях можно лишь став совсем уж законченной гнидой (если, конечно, в организме найдется талант к очаровыванию и пожиранию других таких же гнид). Как-то смирились с текущим положением вещей (дескать, бывает хуже: можно ведь было прокаженным родиться, или сиамским близнецом, или вовсе чандалой женского пола, скажем). Сделали выбор (каждый – свой), и одни мои ровесники стали учиться гнить заживо, а другие – искать способ весело, достойно (и, если можно, не очень мучительно) умереть молодыми.

Кроме пьянства и наркотиков как-то ничего не приходило в голову, но, по счастью, некоторым из нас (мне, например),

казалось, что это довольно скучно. Поэтому мы то и дело отклонялись от намеченного курса: кто-то искусством заняться норовил, кто-то в эзотерики районного масштаба записывался, кто-то выбирал бродяжничество, благо его было довольно легко замаскировать под туризм. Ну, еще всякие дела себе придумывали, это вообще отдельная тема: кто чем лютую тоску эпохи развитого социализма глушил. Написал бы кто энциклопедию молодежного эскапизма разных стран и эпох, цены бы этому великому человеку не было.

Так или иначе, но развлекались мы примерно до восьмидесяти восьмого года, пока не проснулись внезапно – не то чтобы богатыми или знаменитыми, но вполне востребованными. Судьба находила множество способов к нам подмазаться. В частности, у нас, так называемых «авангардистов» – ну, то есть актуальных художников, как сказали бы сейчас, – вдруг стали покупать картинку отъезжающие на ПМЖ горожане.

Объясняется это просто: дело было в ту пору, когда беспрепятственно уезжать из СССР уже разрешили, а вывозить с собой деньги – еще нет. Бедные наши богачи с утра до ночи носились по городу в поисках обручальных колец с бриллиантами, серебряных портсигаров и прочей валютоемкой ерунды. Не знаю, кто пустил в их среде слух, будто на Западе колоссальным спросом пользуются картины русских художников, но это случилось. Среди отъезжающих началась настоящая истерика. Желających купить картины в какой-то

момент было куда больше, чем самих картин. Мы, никому не нужные малюющие придурки, вдруг стали форменными богатеями – все, скопом. Художника, продавшего махонькую картинку, намалеванную на куске фанеры, за, скажем, двести рублей, коллеги считали безнадежным идиотом (на всякий случай напоминаю: зарплата двести рублей в месяц тогда казалась более чем приличной).

В итоге со мною, например, вышло форменное недоразумение.

Когда человек, который на протяжении нескольких лет разрушал всякие социальные, родственные и вообще человеческие связи, честно жил сегодняшним днем (потому что завтра, ясен пень, умирать), вытраивал из себя самый человеческий из инстинктов, инстинкт составления планов на будущее, – так вот, когда такой человек вдруг становится богат и благополучен, человек, мягко говоря, теряется.

Жить в удовольствие нас никогда прежде не учили.

Первое, что приходило в голову, – использовать по назначению так кстати открывшиеся кооперативные рестораны, кутить там от заката до рассвета, а там – по обстоятельствам.

Первый же визит в ресторан «Осло» ознаменовался знакомством с венгерским апельсиновым ликером «Вебер». Обнаружив на этикетке слово «маслаждение», мы тут же поняли, что на исходе праздника жизни нас непременно будет тошнить. И мужественно приняли свою судьбу – кто бы сомневался!

Ликер «Вебер» озарял своим рубиновым светом нашу жизнь на протяжении двух примерно лет. Поначалу – буквально изо дня в день; потом – изредка, время от времени. Посещение кооперативных забегаловок быстро перестало нас развлекать, а потом и «дурные» деньги понемногу иссякли. Начинались девяностые, в которых было место чему угодно, но только не ликеру «Вебер». Символ не может пережить свою эпоху, так уж все устроено.

Эта книга посвящается Валерке, моему соседу по парте,

который первым рассказал мне про удивительный телефонный номер: ноль-девять-до пяти.

Объясняю.

Это на телефонном аппарате старого образца, с вертящимся диском нужно было набирать. Ноль по-человечески, а дырочку, что над девяткой, довести до пятерки и сразу отпустить. Восклицательный знак.

Считалось, что таким образом можно дозвониться в ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ. Мы много раз звонили по этому номеру из телефонов-автоматов (домашних телефонов тогда почти ни у кого в нашем районе не было). Иногда нам отвечали: «Скорая помощь» или «Милиция». У кого дома есть телефон с диском, может поставить эксперимент и понять почему.

Но в ту пору мы думали, что нас разыгрывают. Думали, в публичном доме распознают детские голоса и шифруются, чтобы мы отстали.

Мы, понятно, не отставали. Про публичный дом, собственно, у нас в ту пору тоже была легенда. Одноклассники мои уверяли, что это такое место, куда ходят ЕБАЦЦА семейные пары, если не хотят детей. То есть, если дома станут разврату предаваться, дети будут. А если в специально отве-

денном месте – не будет никаких детей. Так мы почему-то думали.

Мы дразнили взрослых своим тайным знанием. Иногда кричали громко на улице, в толпе: «Ноль-девять-до пяти!» – и убегали. Один раз у меня хватило храбрости крикнуть ТАКОЕ в школьном коридоре, в присутствии учителей. Одноклассники смотрели на мой героизм с жалостью, думали, сейчас четвертуют меня на месте. Но обошлось. Теперь понятно почему, а тогда казалось – повезло, ангел-хранитель вступился.

А на современном кнопочном телефоне такое фиг наберешь.

Жалко детей.

Эта книга посвящается С. И.,

который подарил мне замечательную формулу: «Дуракам коан не писан», после чего мы с ним покурили, поговорили и решили, что есть, строго говоря, всего два способа прожить человеческую жизнь.

Нулевой (он же 22-й) Аркан Таро «Дурак» четко и недвусмысленно описывает такое положение вещей. Можно быть дураком, но полагать себя умнее всех. Или умнее многих. Или, если нет больших амбиций, просто «себе на уме».

Так делают почти все.

А можно быть дураком и четко понимать: да, вот я тут у нас совсем дурак получаюсь. Носить свой шутовской колпак, как лейтенантские погоны: гордиться особо нечем, но и горевать нет причин. Служба такая, ничего не попишешь.

Так мало кто делает, но встречаются все же герои.

Хорошая новость для нас, дураков, заключается в том, что третье всегда дано. *Каждому – свое*, понятно.

Скверная новость для нас, дураков, заключается в том, что найти это самое «свое», «третье», нам ума не хватает.

Зато некоторым хватает удачи. И это опять-таки хорошая новость. Третья, заметим, по счету.

Эта книга посвящается Марьяне,

которая давным-давно умерла.

Зато недавно приснилась мне и рассказала, что ее иногда отпускают сюда, в жизнь: в церковь сходить. Дескать, у них, в мире мертвых, никаких религиозных институций нет, но некоторые покойники все равно в Бога верят, как при жизни. Таких отпускают сюда помолиться. Входят в их положение.

Звала меня за компанию в какую-то невнятную Лавру, но я по храмам даже наяву не хожу. Марьяна меня упрекала. Дескать, у нас, живых, тут все условия, а мы не пользуемся, дураки глупые.

Среди прочего Марьяна рассказала мне, что они «с компаньонками» (ее выражение), чтобы как-то насытить свою мертвецкую культурную жизнь, придумали конкурс на самый печальный «входной стишок». Оказывается, многие покойники, попадая в загробный мир, первым делом читают стихи. Некоторые – свои, некоторые – чужие. И Марьяна с подружками решили придать этой нелепой традиции какой-то дополнительный культурный статус.

Вот такое нонче Бардо, вот такой у нас Тедол.

Эта книга посвящается Яше,

который подарил мне на семнадцатый день рождения томик Пу Сун Лина и скрасил мое затянувшееся отрочество рассказами про духов, монахов и лис-оборотней.

Но вот какого сюжета у Пу Сун Лина не нашлось:

Лиса-оборотень покупает (по дурости, из любопытства или прельстившись дешевизной) талисман от лис-оборотней. Приносит в дом, ставит где положено. И тут же изгоняется, ясен пень. Хочет вернуться, а в доме талисман. Хороший талисман, качественный. Охраняет на славу.

(Вот примерно так я и живу, ага.)

Эта книга посвящается Инне,

которая любит звонить мне по телефону, рассказывать содержание своих снов и спрашивать: что это означает?

Почему ей это так интересно? По мне, так называемые «сонники», которые позволяют любопытствующим человекам по содержанию снов предсказать ближайшее будущее, совершенно бесполезны. Будущее большинства обывателей и так вполне очевидно; людям скорее нужны техники, позволяющие искренне не знать, даже не догадываться, как пройдет завтрашний день. Но это, конечно, очень сложная задача.

Зато как интересны и полезны были бы «сонники», которые позволяют по событиям дня определить, что человек увидит во сне. Как ни крути, а сны обычно куда более причудливы и непредсказуемы, чем жизнь наяву. И в общем неплохо бы заручиться возможностью на них влиять.

Ну вот, например:

- если наяву долго разглядываешь предметы синего цвета, во сне будет ночь;
- если наяву играешь с чужой кошкой, во сне придется иметь дело с неприятными, но искусными любовниками;
- если наяву пишешь письма, во сне не увидишь их адресатов;
- если наяву много ездешь в автомобиле, во сне места действия будут сменяться сами собой, без дополнительных

усилий сновидца.

И так далее.

Эта книга посвящается Диме,

моему соседу по коммунальной квартире, хроническому алкоголику.

Дима был лысым, синеглазым пенсионером, на первый взгляд тихим и безобидным.

По утрам он обретался во дворе, на ступеньках пункта приема стеклотары. Там у местных выпивох был своего рода английский клуб, закрытое мужское сообщество, членство в котором считалось престижным среди прочих пьющих граждан. Выгоды очевидны: близость к источнику дохода, возможность культурного общения с такими великими людьми, как работники приемного пункта, возможность укрыться от ненастья и еще по мелочам.

Чужих с этих ступенек гнали, беззлобно, но и безапелляционно. На моей памяти в этом элитарном обществе появилось лишь одно новое лицо: совсем юный инвалид-афганец. Пожилые алкашики приняли его в качестве «сына полка», баловали, оберегали по мере сил от бытовой жути. Но речь не о нем, а о Диме.

Днем Дима, как правило, возвращался домой, варил серые макароны на кухне, а потом запирался в своей комнате. То ли спал, то ли смотрел телевизор.

Зато по ночам он жил исключительно духовной жизнью. В это время суток душа его смятенно металась по закоулкам

мясной темницы, побуждая прочую тушу педантично воспроизводить эти метания в материальном мире.

То есть Дима непрерывно бегал по комнате, а за полночь так и вовсе выскакивал в коммунальный коридор.

Следует отметить, что в домашней обстановке Дима носил голубое нательное белье и по коммунальному коридору скитался исключительно в таком виде. На робкие протесты соседок говорил: «Это домашняя форма одежды пожилого человека!» На что они, женщины, в сущности простые, вербальным хитrostям не обученные, не находили резонных возражений.

В ходе ночных метаний Дима обычно общался с космосом посредством громкого говорения выстраданных слов. Чаще всего он кричал в пространство лирическую фразу: «А бабы-то и нет!» – а потом на какое-то время умолкал, прислушивался. Вдруг, дескать, небесам есть что ответить на его вопль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.